

УДК 821.161.1

Т.В. ПАНИЧ

ЖИТИЕ ПАТРИАРХА ИОАКИМА: ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ (к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.)

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье исследуются жанровые особенности Жития патриарха Иоакима, устанавливается специфика его структуры и композиции. Памятник рассматривается как совокупность сочинений разной жанровой природы, выполняющих функцию определенных структурных элементов традиционной житийной схемы.

Ключевые слова: агиография, житийная топика, традиция, поздние жития, трансформация жанра, структура, композиция.

В последнее время заметно возрос интерес исследователей к агиографическому жанру – одному из ведущих жанров древнерусской литературы [1]. Особый интерес представляют жития позднего периода русского средневековья, так как они отличаются значительным разнообразием композиционного строения и содержания, отражая историко-культурные изменения и закономерности развития литературной системы «переходной» эпохи. На специфику поздних житий обратил внимание В.О. Ключевский [2, с. 297–357]. О «кризисе средневековой идеализации человека в житийном жанре» писал Д.С. Лихачев [3, с. 104–106]. Признаки трансформации агиографического канона в поздних житиях были отмечены Л.А. Дмитриевым на примере северорусских житий [4, с. 259–261]. Некоторые параметры изменений агиографической модели в XVII в. (нарушение традиционной композиции, усиление биографической составляющей, «сюжетную избыточность», обилие персонажей) выделила М.Д. Каган-Тарковская [5, с. 122–132]. На сегодняшний день имеется ряд научных работ, посвященных поздним житиям. Вместе с тем еще многие проблемы, связанные с развитием агиографического жанра в XVII в., остаются нерешенными. В специальном исследовании нуждаются и отдельные житийные памятники этого периода, анализ которых может внести большую ясность в понимание специфики поздних житий, позволит оценить характер изменений их жанровой формы.

Одним из таких памятников является Житие патриарха Иоакима [6, с. 351–355]. Оно известно в двух списках первой четверти XVIII в. (оба введены в научный оборот Н.П. Барсуковым) [7; 8, с. 117–126]: 1) РГБ, собр. И.Д. Беляева, № 29/1535¹ (далее – Б); 2) РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, II, № 14 (далее – Т)².

¹ Список дефектный: утрачено несколько листов; текст опубликован Н.П. Барсуковым [7, с. 3–148].

² Из этого списка Н.П. Барсуков опубликовал фрагменты, утраченные в списке Б [8, с. 117–126]. Полностью текст списка издан в нашей работе, см.: [9, с. 68–94].

Списки вторичны, так как содержат пропуски и ошибки (в том числе фактические³). Их текстологическое исследование позволило установить две редакции сочинения [9, с. 41–94].

Памятник представляет собой подборку текстов: составитель сопроводил жизнеописание патриарха рядом разных по жанру, но тематически связанных с ним сочинений, образующих агиографический комплекс, в котором последовательно рассказано о жизни и кончине патриарха Иоакима.

В списке Б комплекс состоит из семи сочинений: Жития Иоакима; Послания Игнатия Римского-Корсакова⁴ Афанасию Холмогорскому с рассказом о том, «како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха»; Духовного завещания Иоакима; «Описания краткого» его смерти и погребения; двух эпитафий («Стихи надгробные» и «Над гробом в таблице написано») и небольшого текста, также касающегося кончины патриарха.

В списке Т (сокращенная редакция) сохранилось пять сочинений из семи исходных. Отсутствуют: «Стихи надгробные» и текст на тему кончины патриарха.

В данной работе мы будем опираться на список Б, представляющий более раннюю и более полную редакцию памятника⁵.

Чтобы понять суть авторского замысла создателя агиографического комплекса, касающегося его композиционного строения, рассмотрим каждое из составляющих его сочинений, начиная с первого текста – собственно Жития патриарха Иоакима.

В этом произведении, как и в других житиях

³ Так, год составления Завещания патриарха при переводе на латинский язык «от Рождества Христова» в обоих списках указан с ошибкой: «1605», хотя в написании «от мироздания» сохраняется верная дата: «7198» (1690) (см.: Б, л. 88 об.; Т, л. 59–59 об.).

⁴ Имя автора Послания сообщает список Т (л. 43).

⁵ Ссылки на листы рукописи приводятся после цитаты в круглых скобках с указанием принятого нами буквенного обозначения списка.

«переходной» эпохи, проявились отклонения от канонической жанровой модели. Поскольку жизнеописание Иоакима было создано вскоре после его смерти (17 марта 1690 г.)⁶, содержание сочинения тесно связано с реалиями и событиями второй половины XVII в. Здесь присутствуют реальные исторические персонажи (цари, духовные и мирские лица из окружения патриарха); отражена тема борьбы официальной церкви со старообрядцами (эпизод с отправкой увещательной грамоты Иоакима (еще новгородского митрополита) в Соловецкий монастырь); затронута проблематика государственного и церковного землевладения (сюжет о наказании болезнью боярина Михаила Головина, отрезавшего при межевании часть земли, принадлежавшей патриаршему дому); говорится об участии молодого Иоанна (мирское имя будущего патриарха) в военных действиях («послан бысть сопровит сопостатов в Киевския страны»). Автор уделяет большое внимание церковной карьере Иоакима, подробно перечисляя все пройденные им должностные ступени, тем самым создавая своеобразный документ, содержащий конкретные сведения о биографии патриарха. В этом отчетливо проявляется одна из примет житийной литературы XVII в. – усиление биографического начала [5, с. 126].

Отход от агиографического канона прослеживается и в композиции сочинения, о чем свидетельствует отсутствие в нем некоторых стандартных элементов структуры жанра. Здесь нет вступления и заключения («похвалы святому»); нет этикетной рубрики «посмертные чудеса» – функционально и содержательно значимого элемента житийной схемы (посмертные чудеса, как известно, являлись одним из неперменных условий канонизации святого).

Несмотря на такую композиционную ущербность и несоответствие сочинения канонической схеме, его содержание насыщено агиографической топикией. В соответствии с требованиями жанра будущий патриарх происходит «от благочестивых и православных родителей». Рождение младенца отмечено особым знаком: его появление на свет в праздник Богоявления («во время всенощного бдения, в самый блавест») говорит об избранности для служения Церкви – традиционный агиографический мотив, присущий житиям церковных деятелей. Описывая далее жизнь Иоакима, автор продолжает ориентироваться на агиографическую парадигму, используя житийные клише, с помощью которых создает образ святого с соответствующими каноническими атрибутами и этикетными характеристиками – вполне в духе требований агиографического стандарта.

Особый интерес представляет воспроизведение в Житии событий, связанных с пребыванием будущего патриарха в Новоспасском монастыре в должности келаря. На первый взгляд, внимание писателя сосредоточено на конкретных и обыденных деталях монастырского быта. Он рассказывает о том, как Иоаким, придя в обитель, налаживал порядок в монастырском

хозяйстве, преодолевая жестокое сопротивление братии («сопостат возстави на него кромолу в братии») и ничем не мотивированную ненависть со стороны настоятеля Прохора. Однако и здесь обнаруживаются мотивы и образы из арсенала агиографической топики. Например, сцены столкновений героя с монастырской братией напоминают типичные для жанра эпизоды духовной брани житийного героя с бесами (автор постоянно подчеркивает, что злоба его гонителей инспирирована дьяволом – «супостатом человеческих душ»). Иоаким смиренно сносит несправедливые обвинения, наветы и поношения в свой адрес (очевидное влияние агиографического сюжета об оклеветанном праведнике), отвечая обидчикам добрыми делами: «все творяше по глаголу апостола, промышляюще добрая пред Богом и человеки» (Б, л. 8). Описывая бытовые ситуации, агиограф создает житийный образ «трудолюбивого», «терпеливого», «праведного» и «кроткого раба Христова». Обыденные происшествия (например, конфликт монастырских клириков с келарем Иоакимом из-за недостатка хлеба или их бунт из-за испорченной рыбы), переосмысленные в контексте житийной топики, приобретают значение вневременных отвлеченных событий, а реальный монастырский келарь Иоаким преображается в святого, главными чертами которого являются смирение и кротость. Эти качества, по мысли автора Жития, Иоаким сохранил до конца жизни: «И бысть зѣло кроткий и тихий пастырь и многая исправления во святой соборной Церкви сотвори» (Б, л. 22).

Как уже было отмечено, жизнеописание имеет незавершенный вид: автор останавливает повествование на сюжете о чудесном исцелении боярина Головина и его супруги, подкрепляя рассказ цитатой из Псалтири: «Близ Господь всѣмъ призывающим Его, воистинну волно боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасеть я» (Пс 144: 18–19).

Продолжением данного текста является второе сочинение комплекса – Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому, которое во многом компенсирует его событийную неполноту и композиционную незавершенность⁷. Оно повествует о «скончании» патриарха Иоакима и является центральным по своему месторасположению и идейному значению в структуре комплекса. Именно в Послании нашел отражение один из важнейших агиографических топосов – «благочестивая смерть» святого. Особую роль в его реализации играет ряд видений, записанных автором со слов знавших патриарха людей⁸.

Часть видений отмечена символикой его скорого ухода из жизни. Это предсмертное видение самого Иоакима (видение двух трапез: царской и патриаршей), сокровенный смысл которого истолкован автором Послания с помощью цитат из Священного Писания как призвание патриарха в Небесное Царствие [11, с. 115–127]. Смерть патриарха предсказывает и видение

⁷ Не исключено, что агиобиографическая часть комплекса появилась уже после написания Послания, с чем и связана ее неполнота.

⁸ Этот литературный прием Игнатий использовал и позднее, когда работал в Сибири над Житием Симеона Верхотурского [10, с. 196–271].

⁶ Другие тексты комплекса были подготовлены приблизительно в это же время, за исключением Завещания патриарха, написанного перед его кончиной.

игумена Сретенского монастыря Пахомия, в котором Иоаким торжественно восходит на царское крыльцо «с великою славою и украшением великим патриархшеским...» в сопровождении «нездешних жителей» (скончавшихся бояр и патриарших диаконов; Пахомий называет их имена) (Б, л. 38–38 об.).

В других видениях события происходят после кончины патриарха. В них Иоаким предстает в облике пастыря, заботящегося о своей пастве и после смерти («яко и по смерти его Господь Богъ намъ, чадомъ его, таковая святыми молитвами его подает утѣшение» – Б, л. 59 об.). Так, он прозорливо предупреждает архимандрита Петровского монастыря Иова о неблагоприятности духовного климата в его обители, своевольном поведении иноков: «В монастыре твоём братия суть самовластни, потреба тебе над ними зѣло смотрити» (Б, л. 63 об.). По свидетельству других визионеров, являвшийся им патриарх совершал литургию, причащал, благословлял, поучал паству «зѣло полчѣзно и умилитѣлно». Доместик Новоспасского монастыря Харлампий получает в видении прощение и благословение от патриарха: «Святѣйший же Иоаким патриарх радостно... благословляше его обѣма рукама по хрепту, глаголя “Бог да простит тя” трикратно» (Б, л. 58). В структуре данного сюжета присутствует традиционный для видений мотив созерцания света. Харлампий рассказывает: «Приидох же и видѣх его сѣдяща на оном крыльцѣ. Трапеза же и крыльцо бѣяху без мѣры свѣтлыи» (Б, л. 57 об.). Замечание визионера о необычной яркости света («без меры») подчеркивает его особую природу и особое символическое значение в описываемой картине видения: ослепительный неземной свет (традиционно сопутствующий изображению святых), в сиянии которого предстает перед Харлампием патриарх, должен быть интерпретирован в качестве еще одного знака, подтверждающего его святость.

Содержание видений соотносится с этикетными представлениями о благочестивой кончине подвижника, которая по законам агиографии должна сопровождаться знаменательными событиями и чудесными явлениями. Отдельные сюжеты видений напоминают посмертные чудеса, выполняя, таким образом, функцию отсутствующего в первом тексте комплекса этого композиционного элемента. Насыщенные традиционными житийными мотивами и символами видения содержательно обогащают агиографический образ патриарха Иоакима, созданный в первом сочинении комплекса.

Следует сказать, что Послание, как и жизнеописание патриарха, тесно связано с культурно-историческим контекстом конца XVII в., насыщено признаками эпохи с ее злободневными проблемами. Так, здесь нашла отклик полемика по вопросу о времени преложения святых даров. Автор затронул и события, связанные с избранием преемника Иоакима на патриаршем престоле, сопровождавшимся столкновением интересов разных властных группировок.

Значимую роль в структуре агиографического комплекса играет Духовная грамота (Завещание) патриарха, следующая за Посланием. Однако Игнатий упоминает о ней еще в Послании. Примечательно, что он делает это в том месте текста, где рассказывает

о приближении кончины Иоакима: «Всесвятѣйший Иоаким патриарх себѣ изнемогающе позна себѣ, яко не точию по болѣзни, но и по старости, яко близ день скончания его, призывает во извѣщение православия своего исповѣдь его послушающаго пречестнаго господина отца Пахомия... И все, еже имѣ в помыслѣ своем, возвѣсти ему. И от него с Богом святым, яко от духовнаго своего отца приемлет себѣ, да якоже извѣстил ему таинственно, сице и явственно чадом своим предложит сице писание – исповѣдание и послѣдняго гласа завѣт, сииречь грамоту духовную» (Б, л. 32 об. – 33).

Важно подчеркнуть, что автор выстраивает повествование в соответствии с жанровым канонами. Как известно, житийный герой, получив откровение о скорой смерти, призывает духовного отца (для исповеди) и близкое окружение и оставляет им свое последнее наставление или завещание (часто это всего лишь несколько слов). Первоначально в житиях говорилось об устном завещании, но со временем (это касается житий церковных деятелей, главным образом святителей) возникла традиция иногда прилагать к жизнеописанию святого текст его духовной грамоты, которая становилась частью агиографического повествования. Таковы, например, жития митрополитов Киприана [12, с. 108–112], Фотия [12, с. 152–169], игумена Кирилла Белозерского [13, с. 132–217] и др. Судя по всему, появление такой практики было обусловлено самой композиционной спецификой жития, ведь составленная перед смертью духовная грамота по своему содержанию соответствовала «предсмертному завещанию» святого – традиционному элементу агиографической схемы, представляя его в развернутом виде. Важно иметь в виду и то, что духовная грамота в этом случае становилась документальным свидетельством последней воли святого.

Следуя этой традиции, составитель изучаемого нами агиографического комплекса помещает текст Духовной грамоты патриарха Иоакима сразу после Послания архимандрита Игнатия. Она, таким образом, выполняет здесь функцию указанного структурного элемента житийной модели и логически продолжает агиографическую тему предыдущих текстов.

Завещание содержит и автобиографический материал, что является одним из характерных признаков этого жанра [5, с. 130–131; 14, с. 386–387]. Здесь использованы и некоторые этикетные формулы житийного канона («благочестивые родители» и «благочестивое воспитание»): «родителми благочестивыми родихся в мир сей и во благочестии непорушном Восточныя Церквѣ в православной вѣре воспитан» (Б, л. 70). Это тематически и текстуально сближает Завещание с первым текстом комплекса. В Завещании прослеживаются и такие важные агиографические мотивы (закрепленные в традиции святительского жития), как учительство, забота о больных, убогих и нищих, вдовах и сиротах, щедрая милостыня и др. Патриарх Иоаким предстает здесь в облике, который совпадает с идеальным образом святителя, нарисованным в его жизнеописании и Послании архимандрита Игнатия: смиренный и кроткий «раб Христов», заботливый пастырь и защитник православия.

Следующие за Духовным завещанием небольшие тексты продолжают тематику житийного сюжета, сообщая о смерти и погребении патриарха. В стихотворных эпитафиях, завершающих повествование, кратко обозначен его жизненный путь. По своему содержанию и композиционному расположению эпитафии выполняют в повествовании функцию житийного топоса «похвалы святому». Здесь Иоаким прославляется как праведный пастырь, чей подвиг состоял в церковном и общественном служении:

Шестнадесятолѣтно опасно правяше
Паству, врученну Богом, тому угождаше.
Труд подъемля несносный, борим от противных,
Врагов и еретиков злословим злоумных.
Но терпением своим вся тыя побѣди,
Словеса разумными вспять она отврати.
И поиде вслѣд отцев, мзду от Бога взяти,
И паствѣ своей свыше молитву низслати

(Б, 96 об.–97).

Итак, анализ показал, что сочинения комплекса сближает не только общая тема и агиографическая топика (житийные мотивы и образы, наполняющие каждый из текстов), но и особый прием распределения текстового материала. Автор использует традиционный принцип «ансамблевого» строения текста, когда житие дополняется новыми сочинениями, связанными с именем святого. Однако использование этого приема в рассматриваемом нами случае имеет свою специфику. Если в классических житиях новые сочинения представляют лишь дополнительные сюжеты (обретение мощей святого, прижизненные или посмертные чудеса и др.), событийно и тематически обогащающие основную, «полноценный» по своей жанровой структуре текст, то в изучаемом памятнике соединенные с жизнеописанием Иоакима сочинения, помимо привнесения новых сюжетов, выполняют еще и функцию недостающих в нем элементов стандартной агиографической модели. Следует учитывать и то, что в отличие от ранних житий, где «ансамбль» складывался постепенно, на протяжении многих лет, Житие патриарха Иоакима изначально было создано как совокупность текстов разной жанровой природы.

Работая над его композицией, составитель сосредоточил свои усилия на поиске новых структурно-се-

мантических возможностей агиографического жанра, сохраняя при этом преемственную связь с традицией. В итоге ему удалось отобразить все необходимые элементы канонической житийной схемы. Столь свободный подход создателя памятника к его композиционному оформлению в соответствии с собственным творческим замыслом демонстрирует его авторскую волю, свидетельствует об определенном уровне авторского самосознания, рост которого признан исследователями одной из инноваций «переходной» эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005.
2. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
3. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
4. Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
5. Каган-Тарковская М.Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 49. С. 122–132.
6. Каган М.Д. Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1992. Ч. 1. С. 351–355.
7. Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / Изд. ОЛДП. СПб., 1879. Вып. 47.
8. Житие московского патриарха Иоакима / Изд. ОЛДП. ПДП. СПб., 1880. Вып. 2. С. 117–126.
9. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
10. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель // История Сибири: Первоисточники. Новосибирск, 2001. Вып. 10.
11. Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.
12. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. / Изд. подг. под рук. Н.Н. Покровского. М., 2008. Т. 2.
13. Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 132–217.
14. Поньрко Н.В. Житие протопopa Аввакума как духовное завещание // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 379–387.